

Принц и нищенка

Автор:

Алина Кускова

Принц и нищенка

Алина Кускова

Тут будет от чего потерять голову даже принцу: барби-брюнетка слева, барби-блондинка справа. Обе девушки нравятся Сергею, но какую выбрать? Брюнетка Валерия одного с ним поля ягода – купается в роскоши и разъезжает на «Феррари». Блондинка Юля моет посуду в кафе, живет за чертой бедности и отважно борется с теми, кто эту черту провел. И только прекрасный принц наконец-то определился с выбором, как удар по голове выбил его из рядов бойцов. Что предпримет Сергей, когда очнется? Благодарно упадет в руки спасшей его роскошной брюнетки – или отправится на поиски прекрасной нищенки?..

Алина Кускова

Принц и нищенка

Я два дня прожил, не видя Вас, и тем доказал, что способен вынести все.

Б. Шоу. С чего все началось

Столица гудела клаксонами ревущих автомобилей в раскрытое окно центрального офиса ЗАО «Комфорт + Уют». Генеральный директор, он же один из владельцев фирмы, наслаждался видом затора и стучал длинными пальцами по столу.

– И? – поинтересовалась Валерия, высокая стройная начальница отдела по связям с общественностью, усмехнувшись уголками пухлых губ. – Забронировать ему номер в гостинице?

Артур Аркадьевич Аверкин поморщился. Гостиницы представлялись ему филиалами ада, благо он давно в них не был, сам себя по командировкам не мотал. Зато из поездок не вылезал его друг и совладелец Сергей Степанцов. Артур Аркадьевич здраво полагал, что тот моложе, сил и терпения у него больше, а значит, переносить тяжести временного бытия ему легче. К тому же у того нет семьи и очаровательной любовницы (эту капризную кошечку вообще нельзя оставить без внимания, тут же найдет ему замену – более состоятельного кота).

– Нет, гостиница не подойдет.

– Вы пригласите Сергея Сергеевича к себе? – удивилась Валерия, округлив хищные раскосые глаза. – У господина Степанцова нет никакой недвижимости на Родине. А его последняя любовь благополучно вышла замуж за нашего конкурента. В период его отсутствия, – добавила она многозначительно.

– Да уж, – протянул Артур Аркадьевич, – не пристроенный мужик наш Серж. К себе не возьмешь?

– Шутите? Это неприлично, – на красивом лице Валерии появилась глубокая задумчивость. – Нет, я бы конечно... с радостью... Но мама... Через пару недель, правда, она улетает к морю...

– Может, снять ему квартиру?

– Артур Аркадьевич, быстро сделать это не получится, а господин Степанцов возвращается уже через три дня.

– Больше идей нет?

Артур Аркадьевич нервничал. Он прекрасно относился к партнеру, но вовсе не желал видеть его каждый день в своем загородном доме. Как он будет при таком свидетеле обманывать жену, что задержался на совещании?!

– Есть, – кивнула Валерия идеально уложенной прической. – У нас, Артур Аркадьевич, есть бывшее залоговое имущество должников. Они его уступили по смешной цене, причина уточняется, но недвижимость приличная.

– Я не могу поселить его в конуре!

– Артур Аркадьевич, это коттедж в пятнадцати минутах от МКАД.

– Что ты говоришь? – ухватился за эту идею Аверкин. – Со всеми удобствами?

– Разумеется. Подъезд асфальтированный, ограждение бетонированное, сигнализация и два этажа общей площадью 150 квадратных метров. Временно необитаем, бывший хозяин тоже продал его за бесценок – сильно нуждался.

– Почему я об этом лишь сейчас узнаю?

– Его только ставят на баланс.

– Хорошо, – потер руки Аверкин, – сели Степанцова туда. Только подготовь все по высшему разряду: порядок, бар и еда из приличного ресторана. Занимайся, Валерия, а я... на... на объект.

Валерия хмыкнула, глядя на заторопившегося шефа. Знала она этот объект! Пышногрудую Машку из лаборатории, непонятно чем соблаздившую Аверкина. Вот на ее тонкий ум и чувственную натуру он не позарился. Конечно, она более стервозна, чем теперь уже бывшая лаборантка, более красива, шикарна, обворожительна...

Валерия вышла из кабинета шефа и вновь задумалась.

– Заняться, значит, – процедила она, вспоминая Степанцова. – А что, им и займусь.

Сроки поджимали – Валерии недавно пошел тридцать первый год.

Глава 1, в которой мы знакомимся с главными героями

Летнее утро всегда начиналось с разноголосого пения птиц, врывающегося в распахнутое окно второго этажа дома номер тринадцать на набережной примыкающего к столице с внешней стороны МКАД старинного жилого района потоком радости, счастья и надежды. Юлька любила просыпаться рано и лежать в постели, прислушиваясь к звукам давно очнувшегося от дремоты мира, до недавнего времени казавшегося ей таким замечательным и бескрайне интересным. Сегодня он сузился до катастрофических размеров: Юльке предстояло бороться за свою независимость, свободу и все то, что гарантировано Конституцией обычным гражданам страны, в этом старом, скрипучим половицами доме, готовящемся вот-вот пойти под снос.

Дом и вправду был такой старый, что пережил все легенды. Старожилы рассказывали, что в комнатах первого этажа скрывающаяся от большевиков графиня Полонская спрятала свои брильянты, а в подвале, где проходят коммуникации, купец Кутейкин похоронил свой сундук с нажитым добром. Самая страшная легенда гласила о том, что первый владелец дома на набережной два века назад при его сооружении приказал замуровать в фундаменте провинившихся крепостных, погрязших в пьянстве. Приказ вроде бы выполнили – потому что жители иногда видели неуспокоенные души, мечущиеся по периметру ветшавшего строения. Правда, один из очевидцев тоже пил горькую и видел не только привидения, но и инопланетян. Вскоре сущностей из иного мира увидела и Юлька.

Первым к ней пришел прораб Хомяков и заявил, если она не покинет означенную под снос жилплощадь в течение трех суток, то за ее безопасность под ковшом экскаватора он не отвечает. Юлька пронзила его горящим взглядом завзятой революционерки и ничего не ответила. А что она могла сказать? Уже сто раз говорила всем, кто посягал на ее неприкосновенность: ни за что она не съедет со своей девятиметровой однушки гостиничного типа, пока ей не предоставят вместо нее полноценное комфортабельное жилье. Нет, Юлия Ворошилова не была меркантильной особой, мечтающей о расширении жилплощади, хотя об этом не мечтают только душевнобольные люди. И она безропотно могла бы переехать в комнату с подселением на окраине города, если бы не ее соседка Зоя Терентьевна Поливанцева, заслуженный педагог с пятидесятилетним стажем, расшатанными нервами и активной жизненной позицией. Юля считала несправедливым, что заслуженному учителю, как и ей, предлагают лишь комнату в коммунальной квартире. Она была единственной, кто поддержал

старушку в борьбе за правое дело, остальные соседи разъехались на новые квартиры и больше в доме на набережной не появлялись.

После Хомякова к Юльке приходили другие работники, заселившие строительный вагончик напротив ее окон. Некоторые угрожали, иные просто просили не выкобениваться, а получить то, что причитается. Но Юля была неумолима. Да, она согласна получить то, что ей причитается. Но Зоя Терентьевна достойна лучшего! Те, уже знакомые с воинствующей старушкой, были о ней совершенно противоположного мнения.

Участковый уполномоченный Свистунов даже зачитывал Юльке выдержки из Жилищного кодекса, где говорилось о том, что ни она, ни госпожа Поливанцева не могут претендовать на больший метраж, чем имеют сейчас. А сегодняшний метраж позволяет разместить их только в коммунальных квартирах. Юлька все равно не соглашалась, и участковый грозил судебной расправой.

Но пока суд да дело, оборона держалась прочно.

Конечно, Юле было жаль строителей, каждое утро высывающихся из вагончика в их дворе для того, чтобы в очередной раз убедиться – дамы продолжают стоять насмерть. Но бросить на произвол судьбы почти восьмидесятилетнюю Зою Терентьевну она не могла.

Так в мелких препирательствах прошел целый месяц.

И когда, казалось, строители уже смирились со своей участью и обустроились в вагончике-бытовке, прораб Хомяков привез представителя мэрии. Юля их не пустила на порог. Два лысых толстых мужика бегали под ее окнами и грозили всеми карами небесными и земными, какие только смогли представить в своем воображении, воспаленном строптивой девицей. Зоя Терентьевна вылила на них ведро холодной воды, после чего оба разразились крепкой нецензурной бранью, но убрались восвояси.

На следующий день в доме номер тринадцать отключили холодную воду. В домоуправлении Зое Терентьевне сказали, что в данный момент идет ремонт и замена труб, но старую женщину не проведешь, она сразу сообщила Юле, что начались репрессии, и дала прочитать соответствующую моменту литературу, чтобы та была в полной боевой готовности, когда их сошлют в Сибирь на

урановые рудники.

В Сибирь не хотелось, Юлька даже всплакнула по этому поводу, но Зоя Терентьевне ничего не сказала. Ей было жаль покидать свою маленькую комнатуху, в которой она провела лучший год жизни. Возвращаться в родной Саратов она тоже не хотела. Не к кому – мама второй раз вышла замуж и открытым текстом заявила взрослой дочери, что, если та вернется, места в родительских пенатах ей не достанется. Юля после четырех лет проживания в студенческом общежитии была так рада внезапно свалившемуся на нее наследству в виде этой комнатки, что мысленно неустанно благодарила усопшего дядюшку, которому приходилась внучатой племянницей. Зоя Терентьевна знала ее почившего родственника и говорила, что это был настоящий пламенный революционер, и Юлька не хотела казаться полной амебой.

Впрочем, она была девушкой деятельной, сказывалась учеба на экономическом факультете. Весной она получила диплом, но вместо того, чтобы обивать пороги учреждений, предлагая себя в качестве ценного кадра, Юле пришлось бороться за выживание в отдельно взятой квартире. От голода ее спасала подработка – по ночам она бегала в ближайшее круглосуточное кафе-ресторан мыть посуду. Поначалу было страшно, всюду мерещились призраки прошлого, но Зоя Терентьевна ее успокоила, сказав, что бояться нужно не мертвых, а живых.

Так и получилось.

Впервые за год Юля проснулась и с сомнением прислушалась к звукам двора. Птички это хорошо, гораздо хуже услышать рев экскаватора, рискнувшего начать крушить старый дом с не выселенными жильцами. Но строители еще спали.

Бедные, им предстояло резкое пробуждение, вчера Зоя Терентьевна показала Юльке раритетный пионерский горн. Она бережно достала его из потрепанного футляра и прижала к груди, вспоминая молодость, когда работала пионервожатой в летнем оздоровительном лагере. Зоя Терентьевна не стала скрывать от Юльки, что в то время ее звали «Мюллер» и слыла она самой строгой из учителей. Это потом уже годы научили быть сдержаннее и терпимее к современной молодежи. И молодежь оценила мудрость, обозвав учительницу Поливанцеву «Нашей коброй». Вообще, как призналась Зоя Терентьевна, чтобы составить тот или иной образ педагога, достаточно узнать его прозвище. Дети

как никогда точны в своих определениях. В ее случае многое говорило слово «Наша». Да и кобру она считала полезным существом. К бесполезным Зоя Терентьевна причисляла прораба Хомякова и того типа, кому срочно понадобился участок на набережной. Но кем являлся этот тип, никто не знал. Свистунов говорил, что землю под домом выкупила одна солидная компания, о которой не принято говорить всуе. Юлька решила, что обязательно докопается до истины и выскажет этому полубогу все, что о нем думает!

– Юля! Юля! Ты спишь?

Юлька вскочила и подбежала к окну. У березы стоял Толик Замятин.

– Я не сплю, – прошептала ему Юлька, прикладывая палец к губам.

Должен же он понять, что нельзя будить чутких строителей! Их должен разбудить горн. Зоя Терентьевна хочет показать, кто на самом деле в доме хозяин. Нельзя лишать ее этого удовольствия.

– Тогда я пошел?

– Куда?

– Вниз.

– Иди.

Замятин искал клад в подвале сокровища купца Кутейкина. Юлька сбросила ему ключ от входной двери. Да, некоторое время назад они с Зоей Терентьевной стали опасаться неожиданных визитеров и врезали замок на подъездную дверь. Признаться, Толик искал не только и не сколько купеческие сокровища, но и Юлькино расположение, здраво рассудив, что состоятельным и удачливым он понравится ей больше прежнего. Пока Юля не отвечала на его скромные притязания, о которых он никогда не упоминал. Она поначалу вообще сомневалась, что Толик к ней питает какие-то чувства, пока не увидела его в действии – он лег под гусеницу экскаватора, заявив, что тот поедет штурмовать дом только через его труп. Этот смелый поступок немного растопил сердце Юли, и когда Толика вернули из отделения полиции, где ему прочитали лекцию о

суициде, она пригласила его на чай.

В принципе, на этом личная жизнь Юлии Ворошиловой заканчивалась. А когда ей было влюбляться?! Сначала она училась, затем переезжала, потом наслаждалась, а сейчас борется. И, честно говоря, Толик не годился на роль прекрасного принца, сколько бы он ни рисковал своей жизнью ради нее. Юля искренне верила в любовь с первого взгляда. Ведь должно же случиться так, что она посмотрит на него, того самого, единственного, необыкновенного, лучшего, и сразу поймет – это он. Пока, глядя на Толика, Юля приходила только к одной мысли: что это не он. Точно не он. Единственный должен быть полной ему противоположностью.

Отчего-то в мыслях каждой незамужней девушки возникает сам по себе образ прекрасного принца. У Юли образ принца был высоким, стройным, с ироничной ухмылкой на чувственных губах и теплым взглядом карих глаз, готовым растопить льдинки в ее замороженном сердце. Ну, да, Юлька чувствовала себя Снежной королевой, ведь она еще ни разу не влюблялась так, чтобы забыться и потерять голову. А так хотелось! Разумеется, после того, как они с Зоей Терентьевной отвоюют отдельную квартиру хотя бы для заслуженной учительницы.

Между прочим, Зое Терентьевне Толик очень нравился. Она постоянно твердила Юльке, что из него получится замечательный муж – покладистый и глупый, но очень решительный, когда этого не нужно. И одна Зоя Терентьевна верила, что Толик обязательно найдет клад в старом доме и выкупит его вместе с обветшалыми стенами и крышей. То, что Толик жил неподалеку в многоэтажке, она во внимание не принимала. Раз влюблен, то должен найти клад и выкупить дом, больше им надеяться не на кого.

Юля считала это слабым утешением, но старой даме не перечила.

Сидя по вечерам при слабом свете одинокой свечи (а к этому времени у них в доме отключили и электричество, как сказали в домоуправлении – ведутся работы по прокладке многоканальной сети, ага, так им и поверили), она придумывала алгоритм действий по борьбе за свою собственность. Первым пунктом у нее значился адвокат, все шло к неминуемому судебному процессу. Но на хорошего адвоката не хватало средств, а плохого им было не нужно. Остальные пункты оставались открытыми. Правда, нетвердой старческой рукой там была приписка «Облить бензином и поджечь прораба Хомякова!!!!!!», но

Юля к этому не отнеслась серьезно. Никаких человеческих жертв она допустить не могла. Пусть даже некоторых и не считала людьми, если рассуждать по большому счету.

В это раннее утро, сбросив ключ кладоискателю, Юля пошла в ванную и с недоумением обнаружила, что вчера случайно использовала всю горячую воду, приготовленную для остывания. Сколько раз она слышала жалобы жителей на то, что у них на лето отключают горячую воду. Люди! (Была готова им крикнуть Юлька.) Вы не знаете, что такое жить с одной горячей водой! Это гораздо хуже, поверьте опытному страдальцу.

Она набрала заново таз кипятка и тяжело вздохнула. А ведь еще собиралась помыть голову! Блестящие белокурые локоны заметно сникли в водном дефиците. Юля часто забывала набирать таз для того, чтобы тот остыл. Теперь придется сидеть и ждать час, а то и два, не выходя из во двор неумытой. Строителей она не стеснялась, чего уж там. Вот только их дом окружали с трех сторон коттеджи, где жили снобы, наверняка знавшие об их бедственном положении. Юлька не хотела, чтобы ее жалели или больше того – тыкали пальцем в ее грязную физиономию, пусть очень даже привлекательную.

Солнечный луч не торопясь прошелся по многочисленным снимкам школьников на выцветших обоях стены, скользнул по портрету великого вождя, покрытому мелкими трещинками, свидетельствовавшими о его временной ценности, после чего переместился ниже, на комод, покрытый накрахмаленной белоснежной салфеткой. Задержался на мгновение на скульптурной композиции «Три грации», выполненной в уничижительно малых для нее размерах, и последовал дальше – к металлической спинке кровати. Круглый набалдашник несколько не впечатлил светило, и луч упал сразу на подушку, осветив подслеповатые глаза старой дамы.

– О, – сказала Зоя Терентьевна, щурясь, – вот и утро наступило.

На это утро у нее были намечены грандиозные планы.

В отличие от своей молодой соседки, Зоя Терентьевна была опытной и глубоко подозрительной квартиросъемщицей. Она-то знала, что нельзя верить сотрудникам жилищно-коммунальной сферы ни при каких обстоятельствах, и

потому набирала не таз горячей воды, а целую ванну. Мало того, вода заполняла у нее все пригодные для этого посуды и на небольшой кухоньке, где размещался холодильник, плита и сама Зоя Терентьевна, когда протискивалась туда, чтобы заварить себе овсяную кашу.

Но сейчас ей было не до завтрака. Наскоро умывшись, старая дама выглянула в окно и удовлетворенно потерла руки. Юлия переговаривалась с влюбленным в нее молодым человеком, соответственно, уже не спала. Так что помешать ей Зоя Терентьевна не могла, чего, разумеется, и не хотела. Она любила это юное создание, полное романтики, надежд и веры в светлое будущее. Юлия чем-то напоминала ей себя в далекой молодости, от которой остались приятные воспоминания. Осталось и горькое сожаление, что ничего больше вернуть нельзя, хотя ты молода, как и прежде, душой и живостью восприятия окружающего мира.

А мир был жесток! Настолько, что Зоя Терентьевна не могла бросить свою молодую соседку на произвол судьбы! Ладно она отжила свое в этом скромном уголке старого дома, но девочка достойна гораздо большего. Она и так наскиталась по общежитиям, хлебнув сполна нынешней рыночной действительности. Это в годы Зои Терентьевны молодых специалистов с дипломом о высшем образовании ценили на вес золота и предоставляли им качественное жилье. Ну, разумеется, качественное по тем меркам. Но предоставляли же! Так отчего же сегодня Жилищный кодекс трактуется так однобоко? Юлии положена лишь комната в коммунальной квартире. И после этого чиновники еще удивляются, отчего из страны уезжает умная молодежь!

Зоя Терентьевна была возмущена не только бездушными чиновниками, но и их угодливыми приспешниками. Чего стоил прораб Хомяков! Ломаного гроша он не стоил, по мнению Зои Терентьевны. Во времена ее молодости такого гада давно бы вытащили за шкуру на партсобрание и хорошенько пропесочили. И вынесли бы ему строгий выговор с последним предупреждением. Тогда это была весьма действенная мера. Сегодня, тут Зоя Терентьевна тяжело вздохнула, действует только огнеотстрел. Семен Ильич обещал принести ей свою раритетную винтовку времен Гражданской войны, как только подыщет для нее нужные патроны.

А что делать?! Приходится обороняться всеми доступными методами, человеческого языка эти разбойники с большой дороги – с большой стройки, не понимают. Вынь им и положи в карман неизвестного воротилы бизнеса лакомый

кусок земли на набережной! Да в годы Зои Терентьевны...

Впрочем, что это она? И сейчас ее годы! Разве ж без нее справится эта нежная молодежь?! Да они без нее как без рук. Вполне хорошая пара: Юлия и Анатолий. Конечно, парень не Симон Боливар и даже не Эрнесто Че Гевара. Но если над ним хорошенько поработать, направить в нужное революционное русло энтузиазм, то воспитать защитника слабых и угнетенных можно. Разумеется, Зоя Терентьевна не Макаренко, да и воспитывать сейчас некогда, но что-то она сможет сделать. Вернее, она сделает все, от нее зависящее, чтобы эта во всех отношениях достойная пара молодых людей стала счастливой. Насколько Зоя Терентьевна была в курсе, Анатолий проживал в малогабаритной квартире с мамой и тремя братьями, так что Юлии для любви и счастья срочно требовалась отдельная комфортабельная жилплощадь.

Зое Терентьевне ничего для себя не надо. Но более слабых она обидеть не позволит.

– Вставай, проклятьем заклейменный, – пропела она, беря в руки потрепанный футляр. – Весь мир голодных и рабов! Кипит мой разум возмущенный...

Она бросила гневный взгляд на вагончик с мирно спящими там строителями, фактически державших оцепление возле их старого дома, и усмехнулась. Прихвостни буржуазии! Так и ждут, когда они с Юлией хоть на минуту покинут дом, чтобы вынести во двор их вещи и с чистой совестью начать его снос. Не дождутся!

Сергей устал от Милана, от суеты большого города и поначалу резавшей слух незнакомой речи. Он считал, что знал итальянский язык, но, когда оказался в этой стране, понял, что толком ничего не понимает, как не понимают и его. Пришлось учить язык заново с местными учителями, что явилось для него дополнительной нагрузкой. Ведь помимо этого он продолжал заниматься делами фирмы, встречался с поставщиками, налаживал контакты с партнерами, искал взаимовыгодных покупателей. Одним словом, крутился, как мог. Три года пролетели как один день!

И вот он вернулся на Родину, шагнул с трапа самолета на родной потрескавшийся асфальт и был готов его поцеловать на глазах изумленных

соотечественников. Что они знали о Родине?! Что они знали о его тоске? Три года Сергей мечтал съесть большую тарелку наваристого украинского борща и послушать курских соловьев. Почему именно курских? А шут его знает! И борщ отчего-то он назвал украинским. Отвык, совсем отвык. Но как приятно снова ко всему привыкать!

- Сергей Сергеевич!

Вот так сюрприз! Сергей цокнул языком, на него смотрела девушка, сошедшая с картин Рафаэля. Пышные формы, высокая грудь, пронзительные глаза – роковая брюнетка, одним словом. Очень приятно, ничего не скажешь. Артур пообещал, что его встретит в аэропорту красавица Валерия, но что та окажется настолько красивой, Сергей не ожидал.

- Доброй ночи! Я вас сразу узнала, – кинулась к нему Валерия.

- Доброй ночи, – ответил ей Степанцов и широко улыбнулся. Несомненно, возвращение на Родину начинает ему нравиться все больше и больше.

- Я так люблю Италию, – делилась с ним впечатлением от его же поездки Валерия, усаживаясь за руль красного «Феррари», подаренного щедрым поклонником, коварно вернувшимся к жене. Больше таких поклонников (не таких, которые дарят роскошные машины, а обремененных женами) Валерия заводить не планировала. – Микеланджело, Пиза, Ватикан... Я так мечтаю туда попасть! Хочу в Италию! Там всегда тепло и зреет виноград.

Валерия ему нравилась, всю поездку они легко общались. Правда, большую часть пути Сергей молчал и слушал восхищение Валерии далекими краями. Как только они выбрались за МКАД, Сергей понял, что эти восхищения ему уже наскучили, и наконец поинтересовался, куда они едут.

- А куда бы вы хотели? – игриво спросила Валерия, улыбаясь хищно и маняще.

Сергея как холодным душем окатило. Валерия как две капли воды показалась ему похожей на бывшую невесту, несколько лет назад сбежавшую из-под венца к более состоятельному конкуренту. Та так же улыбалась, дразня его и обещая немислимые удовольствия. Стоп, сказал он себе, не так быстро...

– Я бы предпочел гостиницу в центре города.

Сергей постарался опуститься с небес на брентную землю и не дать себя вовлечь в новые бесперспективные отношения с будущей подчиненной. Он несколько расслабился, поддавшись ностальгии и душевному порыву, но теперь уже ничего не выбьет его из колеи. Даже этот томный влекущий взгляд... Какие у нее все-таки изумительно шикарные... м-да... глаза.

– Я бы тоже предпочла отвезти вас в иное место. Но, увы, мы едем туда, куда едем.

– Так куда же? Это что, тайна? Валерия, вы меня похищаете?

Она весело рассмеялась. Сергей против своей воли продолжал с ней флиртовать. Он мысленно отругал себя за несдержанность, после чего решил, что немного флирта не помешает их сугубо деловым отношениям. А там он посмотрит, к чему все это приведет.

– А вы бы хотели, чтобы вас похитили?

«Чтобы похитила такая красавица, как вы, разумеется, хотел бы», – чуть не сорвалось у него с языка. И тогда все, хода назад не будет. Только вперед, как говорится, с корабля – сразу на бал, а это никогда ничем хорошим для него не заканчивалось.

– Сейчас у меня одно желание – лечь спать.

Сказал и замер от двойственного содержания фразы. Но Валерия сразу уяснила, что давить на будущего шефа не следует, и мило улыбнулась.

– Как я вас понимаю, Сергей Сергеевич, – прошептала она и перешла на более деловой разговор: – Коттедж вам понравится. Он находится хоть и в неохраняемой зоне, но оснащен всем необходимым, чтобы вы чувствовали себя в полной безопасности. Асфальтированный подъезд, дорожное полотно поменяли этой весной, подойдет для автомобиля с низкой посадкой... Какой у вас автомобиль?

– Пока никакого, – пожал плечами Сергей. – Буду передвигаться на общественном транспорте, – пошутил он.

– Тогда первое время я стану за вами заезжать, – решительно заявила Валерия. – Выберите время для поездки в автосалон, я созвонюсь и все устрою.

Сергей кивнул, ему понравилась ее деловая хватка. Будет за ним заезжать? А не большеват ли крюк?

– Конечно, мне не совсем удобно ездить сюда, но чего не сделаешь ради дела. Я не представляю вас, такого импозантного и brutального, в московском метро. Между прочим, отсюда до него еще нужно добраться. А такси, сами знаете, какое у нас. Среди них есть машины класса «Люкс», но можно ли доверять их водителям?

– Тогда я буду доверять только вам.

Черт! Он опять флиртует.

Но Валерия уяснила правила игры.

– Окружение вполне приличное, – продолжила она бесстрастным тоном. – Состоятельные соседи не доставят вам много хлопот, люди все интеллигентные и порядочные. Семейные, – зачем-то добавила Валерия. – Но ограждение высокое и достаточно шумоизолирующее. Апартаменты неплохие, требуют косметического ремонта некоторые комнаты, но общая обстановка вполне комфортна для принятия иностранных партнеров. У нас же теперь будут иностранные партнеры?

– А как же, – пообещал ей Сергей. – Откуда взялся это дом?

Они подъехали по слабо освещенной улице к особняку, и Валерия полезла за пультом от автоматических ворот.

– Дом поставили на баланс недавно, это бывшее залоговое имущество. Вам должно здесь понравиться, – улыбнулась Валерия, открыла ворота и осторожно въехала во двор.

- Да, - согласился с ней Сергей, - мне здесь нравится.

Все, что он увидел, выйдя из автомобиля, действительно располагало к неспешному приятному времяпрепровождению. Аккуратно подстриженный газон с клумбами и дорожками обрамлял каменный двухэтажный дом, над огромным крыльцом которого высился балкон. То есть крыша крыльца это и был балкон, и Сергею непременно захотелось на нем побывать, чтобы полюбоваться окрестностями.

Валерия тоже вышла из машины и подала Сергею ключи, объяснив, как следует открывать двери.

- Э-э-э-э, - замялся Сергей. - Может, кофе?

Опять вырвалось! Он поморщился.

- Что? - уцепилась за мысль Валерия, замирая в напряженном ожидании.

- Я спрашиваю, кофе в доме есть? - нашелся тот. - Люблю, понимаете ли, по утрам принимать горячий будоражащий напиток.

- А-а-а-а, вы об этом. Кофе есть. Как и все остальное. После обеда появится приходящая помощница, если она вам будет нужна, оговорите условия. Удовлетворены?

В ее голосе послышалась насмешка. Сергей понимал, что другой бы на его месте не упустил возможности затащить красавицу в свою постель и получить удовлетворение более приятным способом. Но что-то его сдерживало. Возможно, этот слишком уж пристальный, навязчивый взгляд.

С другой стороны, они слишком мало знакомы, чтобы придирается к ее глазам.

- Отлично, - он взял у нее из рук ключи и кивнул. - Спасибо, Валерия, что встретили и проводили. Можете быть свободны.

Это прозвучало не галантно. Вообще по-свински прозвучало. Он что, разучился общаться со слабым полом?! Разучился. Во всяком случае, с теми, кто не

скрывает к нему прямого интереса.

– Рада, что довольны, – усмехнулась Валерия, мысленно приговаривая Степанцова к распятию. – Всего хорошего и до завтра. То есть до сегодня. Во сколько за вами заехать?

– Я еще не решил.

– Тогда я перезвоню.

– Заметано, – Сергей ей улыбнулся.

Валерия развернулась и пошла, покачивая шикарными бедрами, обтянутыми узкой короткой юбкой.

Дурак, сказал сам себе Сергей, отчего отказался?

– Да и шут с ней!

Сергей стоял на балконе и искренне считал, что самый лучший друг ему сегодня одиночество, позволяющее без помех рассмотреть Родину. Она расстилалась перед ним в скудном рассвете во всей своей впечатляющей красоте бескрайних лугов, широкой реки, кромки леса, каких-то строений сбоку... Сергей и не знал, что летом рассветает в четыре часа утра!

– Красотища какая! – вдохновенно сказал он самому себе и развел руками. – Благодать! Место-то такое райское.

И словно по его велению, в кустах запели птицы.

– Кофе хочу пить на балконе, – сказал Сергей и устремился на кухню.

Он так и не смог толком рассмотреть коттедж, где ему предстояло пережить возвращение. Рассвет оказался настолько красив, что Сергей любовался романтическим пробуждением природы до тех пор, пока солнце окончательно не вступило в свои права. Он довольно потянулся, отодвинул от себя пустую чашку и встал.

– Спать, спать и спать. Завтра новый день и новые открытия. Новая жизнь, черт побери! И, чувствую, что она будет прекрасна.

И Сергей пошел на второй этаж, где была приготовлена шикарная хозяйская спальня.

А в это время Зоя Терентьевна достала из футляра свой раритетный горн. Вставная челюсть нисколько не помешала старой даме звучно протрубить подъем пять раз и повторить еще трижды.

Разомлевший Сергей подпрыгнул на постели, не веря своим ушам. Он только что погрузился в приятную дрему, подготовившись увидеть незабываемый сон, а его так безжалостно разбудили. И, главное, что его разбудило! Пионерский горн! Откуда здесь детский оздоровительный лагерь? Валерия о нем словом не обмолвилась, иначе Сергей точно бы уехал в гостиницу. После минуты размышлений он успокоился, за окном стояла тишина.

Но через две минуты звуки горна раздались со все возрастающей силой. Благо легкие старой дамы не имели патологий. Сергей соскочил с шикарной постели и подбежал к окну. То, что он увидел, поначалу повергло его в шок.

Да, Валерия рассказала правду о его вполне приличных соседях. Коттеджи с одной стороны действительно внешним видом разве что не кричали о немислимом благополучии их владельцев. Но с другой стороны стоял старый ветхий дом, судя по огороженной стройплощадке, готовящийся идти под снос. И из строительного вагончика, матерясь на всю округу, выбегали сонные работники пилы и топора, а из окна второго этажа... Сергей пригляделся... О! Из окна второго этажа этой развалюхи какая-то вредная старуха трубила в трубу. В горн!

Он был в ярости. Валерия его обманула! Вместо рая ему подсунули кромешный ад с сумасшедшей старухой, не страдающей легочными заболеваниями. Она все трубила и трубила, пока в одном из окон того же второго этажа не показалась... о... симпатичная мордашка молодой блондинки.

- Внучка старой ведьмы, - решил Сергей, поубавив гнев. - Ну, сейчас она бабулю успокоит.

Старуха действительно после общения с блондинкой успокоилась и исчезла из окна вместе со своей адовой трубой.

- Наконец-то, - глубоко вздохнул Сергей и пошел обратно к постели.

Но что-то потянуло его обратно к окну.

Девушка! Он встретился с ней взглядом и отшатнулся.

- Наверное, - пробормотал изумленный Сергей, - так смотрели пролетарии на гнобящую их буржуазию. Сколько в ее взгляде классовой ненависти. М-да...

Сон как рукой сняло.

Глава 2, в которой главные герои знакомятся друг с другом

Валерия приехала вовремя, как и обещала по телефону. Ее красная машина просигналила у ворот, Сергей поспешил их открыть и встретить девушку. При дневном свете она выглядела еще лучше, чем при ночном. Правильные черты лица застыли в маске легкой надменности и осознании своего великого долга, пальчики с длинными ухоженными ногтями впились в руку Сергея, словно приказывая незамедлительно приложиться к ней губам. Сергей хмыкнул и просто пожал холодную ладонь, ощутив неудобство от перстней с вычурными камнями, несомненно, не дешевыми. Приглашать в дом он не стал, сделал вид, что торопится встретиться с Аверкиным, но и Валерия никуда не рвалась. Она лишь внимательно проследила за его взглядом.

Да, Сергей снова посмотрел на злополучную развалюху. Да, он опять увидел в окне блондинку, и та в очередной раз окатила его презрительным взглядом. А из глубины дома послышалась песня «Взвейтесь кострами, синие ночи! Мы пионеры, дети рабочих...». Дети рабочих они, а он капиталист, вот в чем разница. Вздорная блондинка - представительница воинствующего

пролетариата...

– Не обращайтесь внимания, Сергей, – Валерия намеренно опустила отчество, взяв его за руку и крепко пожав. Вернула рукопожатие. – Этот муравейник – временное явление. Его на днях снесут. Землю приобрел сам Бугров. Говорят, он собирается построить здесь фитнес-центр, платную парковку или еще что-то ценное.

– А почему там еще живут? – поинтересовался Сергей, переводя взгляд на собеседницу.

– По всей видимости, это бомжи, – брезгливо повела круглым плечиком та. – Полагаю, к вечеру их там уже не будет.

Сергей отчего-то пожалел, что вечером его переглядки со странным существом из старого дома прекратятся. Разумеется, ее взгляд выдавал личность совершенно дикую. Но, во всяком случае, он хоть что-то выражал в отличие от ледяных красивых глаз Валерии. Они загорались лишь при упоминании об их более тесных отношениях. И этот блеск любой нормальный психиатр охарактеризовал бы как нездоровый. Впрочем, Сергей понимал, что по неизвестной причине придирается к красавице, оказавшейся ему чрезвычайно полезной.

Валерия домчала его до офиса за сравнительно короткий срок, отчего следовало, что благоразумие все же иногда покидало ее. Сергей улыбнулся, приятно ведь, он нашел в этой холодности что-то человеческое.

– И как она тебе?

Аверкин был неисправим. Сергей оставил его увлекшимся пышнотелой лаборанткой, потом узнал, что та стала неотъемлемой частью личной жизни друга. Перед этой дородной дамой была не менее привлекательная секретарша. Куда та делась, Сергей не знал, предполагал, что друг пристроил ее на теплое место подальше отсюда, чтобы надоевшая пассия больше не мозолила ему глаза. Аверкин был любвеобильным мужчиной, но постоянным. Постоянство заключалось в том, чтобы иметь одну, неизменную жену и только одну временную любовницу. Теорию друга о том, что в современном мире женщин гораздо больше, чем мужчин, и всех их нужно обогреть, Сергей не поддерживал.

Но в дела Артура не лез, тот также сохранял нейтральную позицию, но подробностями интересовался.

- Кто? - не понял Сергей. В этот момент он прикидывал, насколько вредная блондинка похожа на бомжа.

- Валерия! Ты что, не заметил, какую я тебе послал бабу?! - искренне изумился Аверкин. - От себя оторвал, фактически поделился сокровенным.

- А-а-а, - протянул Сергей, усаживаясь в огромное кожаное кресло в кабинете друга. - Нет, отчего же, я заметил ее неземную красоту.

- И?! Ты доволен? Удовлетворен?

- Арчи, дружище, ты будешь смеяться, но...

- У вас что, ничего не было? - Аверкин полез за сигаретами. - Ну, ты даешь! Она что, не дала? А казалась такой перспективной. Я и сам хотел, но... того...

- Как тебя только терпит Анжела?

- Риторический вопрос, - усмехнулся Аверкин. - Курить еще не бросил? Слушай, Серж, а я ведь тебя понимаю. Я бы после горячих рафаэлевских красоток тоже на русскую бабу сразу не запал. Нужно время, чтобы перестроиться. Валерия, она такая холодная, как ледышка. Я побоялся, что с ней в постели у меня все отмерзнет... Ха-ха. Но как специалист она незаменима, потому и держу. Можешь к ней обращаться по любому вопросу. Слушай, а как тебе дом? Это она его нашла.

- Отличный дом, - поморщился Сергей, вспомнив старую развалюху рядом. - Напомни мне, кто такой Бугров.

- Бугор? Совсем ты в своих заграничах память потерял. Бугров Леонид Петрович депутат городского собрания, делец и банкир, владелец заводов, газет, пароходов... Как там дальше у классика, не помню, но суть в этом. А что он от тебя хочет? Ты лучше это ему дай, с ним спорить бесполезно, сотрет в порошок и пустит по ветру.

– Нет, наши интересы в разных сферах деятельности, – успокоил друга Сергей. – Просто уточнил. Ты прав, память действительно подводит.

Сергей лукавил, с памятью было все в порядке. Вот в данный момент он отлично помнил глазищи бомжихи-девицы. Впрочем, помнить осталось недолго, вечером ее уже не будет, а развалюху на днях снесут. Стройка тоже не слишком приятное соседство, но днем, пока гремят краны и орут строители, Сергей будет занят в городе. А вечером... Вот за вечер он с Бугром поспорит. Вечером он любит тишину. К тому же там такой рассвет!

И Сергей зевнул.

– Устал, не выспался, – посочувствовал друг. – Тогда мы о делах завтра поговорим.

Валерия сидела в приемной, делая вид, что ее интересуют архивные папки с документами, сложенные в шкаф за секретарским столом. Секретарша Нона, разумеется, по вкусу Аверкина – пышнотелая деваха разбитной внешности: мини-юбка и топ, подозрительно щурила косоватые глаза и фыркала при каждом движении специалиста по связям с общественностью. Уж Нона чувствовала, с кем та собиралась заводить связь. Лакомый кусок в образе господина Аверкина уже был ухвачен цепкими молодыми зубками бывшей лаборантки, так что оставался тот великолепный мачо, совладелец, который сидел в кабинете шефа. Нона аж прикусила язык, когда тот сегодня вошел в приемную. Она, как обычно, болтала с подругой по телефону. И чуть не сползла со стула, когда мачо ей широко улыбнулся. Вот это да! Вот кому-то повезет. Нона тут же разыскала его данные и вновь обомлела от восторга. Мало того, что этот совладелец был красив, как статуя греческого бога, так еще и холостяк! Копия паспорта, правда, была трехгодичной давности, но Нона сомневалась, что такого мужчину можно было окрутить за короткий срок. И вот теперь на него покушалась эта злобная фурия.

Валерия прекрасно понимала все метания Ноны, метившей в любовницы к состоятельному бизнесмену, не столь важно, к какому именно. Она презирала таких девиц. Конечно же, любой женщине свойственно проявлять интерес к мужчинам, но не в такой ярко выраженной форме. К тому же Валерия считала, что самой нужно что-то представлять, а не быть легкомысленной пустышкой. Но

ссориться с Ноной она не желала, та ближе всех стояла на занятии должности любовницы босса после уже существующей. Аверкин обычно больше года отношения с временными пассиями не поддерживал. Поначалу Валерия возлагала на него определенные надежды, но со временем поняла, что такой мужчина в качестве временного любовника ей не нужен. Она уже не молода, хочет иметь полноценную семью и родить ребенка.

Лучшим вариантом был Степанцов. Но он оказался слишком подозрительным и умным, чтобы сразу поддаться ее чарам. Хорошо, господин Степанцов, счет пока открыт в вашу пользу, но Валерия еще посмотрит, в чью пользу закончился финальная игра.

– Наверняка у него есть пылкая итальянская любовница, – мстительно произнесла Нона, глядя на дверь кабинета, где сидели мужчины.

Валерия усмехнулась. Глупышка Нона, она ничего не понимает в мужской психологии. Нет у Степанцова никакой итальянской любовницы! Возможно, были случайные связи, но постоянство тут ни при чем. Ни одна женщина, пусть даже и иностранка, не позволит, чтобы ее мужчина к серому льняному костюму и серым туфлям надевал черные носки. И примятый галстук нельзя оправдать тем, что в самолете господин Степанцов спал. Галстук в принципе не знал, что такое уют. Были и другие существенные мелочи, но делиться ими с секретаршей она не собиралась. Валерия все рассчитает правильно и поймает свою золотую рыбку.

– Говорят, в Италии секретарши два раза за день меняют блузки. И сидят в колготках даже в жару. Упревают же, дурочки.

Упревают?! Валерию перекосило. Сколько можно слушать треп этой деревенщины? Она захлопнула папку и встала. Ей здесь больше делать нечего, мужчины, а говорят, что это женщины болтливы, сцепились языками надолго. Она поймает Сергея в более комфортной обстановке. Валерия тоскливо отметила, что его кабинет находится как раз напротив кабинета Аверкина и избежать встречи с Ноной опять не получится.

– Нона, найдите мне номера телефонов автомобильного салона «А Элита».

Валерия их прекрасно знала, тем более наобум в этот салон никто никогда не звонил, там это не приветствовалось.

– Позвоните им и поинтересуйтесь временем работы.

Валерия мстительно улыbnулась. Она знала, как надменно и бестактно дурочку Нону поставят на место. Что ж, по крайней мере, хоть испортят той настроение.

Она вышла и пошла по коридору, изредка кивая пробегающим мимо сотрудникам. Валерия всегда чувствовала свое превосходство над ними. Она из другого мира, как Аверкин, как Степанцов. И в этом мире нет места ни Нонам, ни лаборанткам, ни всем терпеливым дурам-женам, ни бомжам. Но как он посмотрел на ту девицу! Было в его взгляде нечто, что позволило усомниться в перспективах Валерии. Но она усомнилась только на миг.

Валерия поправила роскошный бюст, одернула юбку, выпрямила спину, откинула назад длинные черные волосы и улыbnулась парню из планового отдела. Парень засмотрелся на нее с немим восхищением в юношеском взоре. Вот так же на нее будет смотреть Степанцов! Точно так же. Или она не Валерия Волкова.

Юлька обомлела. Такого красивого мужчину она в своей жизни еще так близко, буквально в соседнем доме, не видела. Что, рядом поселился Джордж Клуни?! Или его фамильный отпрыск – жгучий брутальный брюнет со спортивной фигурой? Ах, какое у него тело – весь голый торс в накаченных кубиках, рельефные мышцы на руках, словно он таскал шпалы и клал рельсы...

Как же, клал шпалы! Если он живет в этом коттедже, то он Юлькин идейный враг. У-у-у, какой враг! Такой же, как и тот, что купил землю под их домом, а делиться новыми квартирами не хочет. Да видела она таких красавцев уйму! Вон в любом женском журнале полно их снимков с рельефными кубиками, купи, и любуйся. Только ей покупать не на что и без надобности.

И чего это он на нее уставился?! Так и тянет показать ему язык. Юлька сдержалась, все-таки ей не тринадцать лет, а гораздо больше, и занята она общественно-политическим делом, а не флиртом с незнакомцем.

Нет, все-таки незнакомец умопомрачительно brutalен. Как он похож на героя ее романа! Чисто внешне, следует заметить, – потому что внутренний его мирок прогнил и одряхлел, как мышцы культуриста, лишённые анаболиков.

Юлька юркнула в глубину комнаты, но через пару минут высунулась снова, только сделала это так, чтобы незнакомец из соседнего дома ее не заметил. Тот все еще стоял у окна и любовался окрестностями. Гад! Вынесла свой вердикт Юля, наверняка прикидывает, что ему еще прикупить из прибрежной зоны. Хотя такие должны жить в Монако или на Карибах. Нет, они туда ездят тратить деньги, содранные с населения родной страны. Там они так же бесполезны, как унитазный ершик для чистки зубов. А, кстати, горячая вода в тазу остыла, можно умыться.

Юля поплелась в ванную комнату, бормоча себе под нос, что на месте их старого дома, как только его снесут, возникнет такой же коттедж, и там поселится очаровательная длинноногая Барби. Уж она посмотрит на клон Клуни (между прочим, удачный каламбур клон-Клуни!) совсем другим взглядом. Юлька уже ненавидела несуществующую Барби. В отместку ей она еще помыла волосы.

Крутясь перед зеркалом и наматывая на палец длинные непослушные пряди, она представляла, как устроится работать в прогрессивную политическую газету и будет писать статьи о том, насколько далеки воротилы бизнеса от народа и что пропасть эта ширится с каждым днем. И глас обездоленного народа...

– Мать твою! Мать твою! Екарный бабай!

Что во дворе случилось? Зоя Терентьевна вроде уже успокоилась.

– У-у-у-е-е-е-е! – продолжал взывать страждущий, опровергая наивное Юлькино предположение.

Юля высунулась в окно, мимоходом взглянув на соседний коттедж. Brutальный брюнет скрылся из видимости. Зато под окнами их дома прыгал один из строителей, шкафоподобный бугай, никогда не стесняющийся в выражениях... Юлька бы еще добавила, что своей глупости он тоже не стеснялся.

– Что у вас случилось?! – голосом, полным презрения, поинтересовалась она.

Хоть шкаф, но человек все-таки.

- У-у-у-е-е-е! – вместо ответа проревел тот, трясая перед собой резиновым ковриком, утыканным гвоздями.

- Это наш коврик! – возмутилась Юлька. – Он всегда перед входом в подъезд лежит, чтобы люди не поскользнулись! Вы что, головой ударились?

Тот вместо ответа, продолжая стонать, показал ей свою нехилую ногу, обутую в стоптанную сандалию.

- Ну и что?

Из сандалиии капнула капля крови.

- Первая кровь, – ужаснулась Юлька. – Обычно приличные люди сражаются до первой крови.

- Убью, – прошипел шкафоподобный, дергая ручку двери.

- Кипятком ошпарю, – предупредила его Юлька. – У нас его – залейся.

Тот отпрыгнул от двери и пригрозил Юльке здоровенным кулаком.

- Ладно, боец нетрудового фронта, – хмыкнула Юлька. – Жди, зеленку с бинтом сейчас скину.

Она пошла на кухню. Когда вернулась и посмотрела в окно, то увидела: коврик лежал на месте уже без натканных в него гвоздей, шкафоподобный собирал их себе в карман и продолжал тихо подвывать.

- Лови «Скорую помощь», – Юля скинула ему пакетик. – Зеленкой смажь обязательно и перебинтуй хорошенько, а то заражение крови получишь. Если поднимется температура, вызови медиков. Ах, да, у тебя же небось страхового полиса нет. Скажешь мне, я по своему их вызову.

Шкафоподобный пробурчал что-то невнятное, прижал пакетик к груди и в три огромных прыжка доскакал до строительного вагончика.

– Зря я ему по доброте душевной всю зеленку отдала, – пожалела Юлька. – Он вон прыгает как кузнечик. Здоровый такой, больной на голову кузнечище.

Кроме него в вагончике жили еще двое. И те тоже были идейными Юлькиными врагами. При воспоминании об этом ее глаза устремились на соседний дом. Интересно, при очередном нападении строителей на несчастных слабых женщин, чью сторону примет brutальный брюнет? Юлька хмыкнула: вот еще, будет она о нем думать! И занялась приготовлением завтрака.

День до обеда прошел быстро, они с Зоей Терентьевной подсчитывали скудные средства и писали список продуктов, за которыми должна была вырваться Юлька, когда строители залягут спать. Часа в три дня у них обычно было тихо, как на тюленьем лежбище. Но когда Юлька после трех выглянула в окно, чтобы убедиться в этом факте, то увидела брюнета. Разумеется, тот был не один. Возле шикарной иномарки стояла модель класса «Люкс», списанная с подиума в мир живых людей из зависти конкуренток. Брюнет, конечно же, посмотрел на Юльку, она посмотрела на него, а кукла Барби, перехватив со скоростью света эти взгляды, поморщилась.

– Вот она и нашлась, – вздохнула Юлька. – Только цвет волос у нее не барбинский. Но с красотой не поспоришь.

Она проследила из-за занавески (пусть не думает, что он ее сильно интересуется!) за тем, как брюнет прыгнул в машину к красавице, довольно улыбнулся и положил руку той на плечо. Или не на плечо?! Юльке пришлось высунуться из окна, чтобы убедиться в том, что рука брюнета лежала на спинке сиденья модели. Хорошо, что он этого не заметил!

И Юлька тоже постарается его больше не замечать. К чему? Никаких авансов идейным врагам, пусть не думают, что мир крутится только вокруг них. Или, как они любят говорить, лежит в их кармане. Конечно, у нее тоже карман не совсем дырявый, но разница существенная.

– Пять банок кильки в томате... Зоя Терентьевна, может, хватит на шесть? Если купить две буханки черного хлеба вместо батона и черного хлеба. Ученые

доказали, что от пшеничного зерна у многих людей возникает целиакия. Это болезнь такая, когда покрываешься аллергическими пятнами...

– Не бери, Юлия, батон. Правильно, – согласилась старушка. – Я не хочу свалиться с ног из-за какого-то пустяка.

– Кстати, про ноги, – вспомнила Юлька. – Зоя Терентьевна, бугай ногу проколол на резиновом коврикe...

– Ага, попался негодяй! – кровожадно потерла руки Зоя Терентьевна. – Так ему и надо. И не смотри на меня так! Справедливость восторжествовала. Коврик где лежал? У нашего подъезда. А зачем он к нам шел? То-то. Явно не с добрыми намерениями.

Юлька не сказала, что она отдала пострадавшему свой запас зеленки. И подумала, что в чем-то Зоя Терентьевна права. Это не они лезут на территорию строителей, а те норовят всеми правдами и неправдами от них избавиться. Не дождутся!

Она собрала мелочь в кошелек и собралась выходить.

– Стой, Юлия! – провозгласила старушка, поправляя съехавшие на нос очки. – Хомяков приехал! – И показала в окно.

Внизу действительно стояла машина прораба, а сам он шел в вагончик строителей.

– Придется отложить визит в магазин до вечера, – решила Зоя Терентьевна. – Не будем рисковать.

Тем временем дверь в строительный вагончик шумно открылась ногой прораба Хомякова, и тут же раздался его громоподобный голос:

– Что, сволочи, не ждали?!

Три сволочи, они же по совместительству наемные рабочие, от внезапного появления начальника подскочили с кроватей и принялись протирать сонные глаза.

– Это что вам, – продолжал метать молнии и извергать гром Хомяков, – детский сад с тихим часом?! Вы чем это здесь занимаетесь?!

– Э-э-э, – заблеял высокий сутулый паренек с рыжими вихрами, пытаюсь оправдаться, – так нам это... больше заниматься нечем. Старая дама и барышня наотрез отказываются покидать вверенное им помещение. Бульдозерист плюнул и ушел, сказал, что у него жена рожает.

– Я те рожу! Я те так рожу, – глаза Хомякова налились нехорошим красным цветом, одутловатая физиономия еще больше раздулась, лысая голова усеялась капельками пота. – Хватайте их за шкуру и волочите вон!

Хомяков подбежал к складному столу и изо всех сил ударил по нему кулаком, для достижения большего эффекта. Стол жалобно треснул и сложился пополам, увлекая вниз бутылки пива и пакеты с сухарями.

– Шеф, – вмешался шкафоподобный бугай с отчаянием в голосе, – вы не правы.

– Валентин?! – грозно сдвинул брови Хомяков. – Что у тебя с ногой?

Бугай перевел взгляд на свою ногу с позеленевшими бинтами и тяжело вздохнул.

– Производственная травма.

– Я ее не оплачу! – заявил Хомяков. – Обувайся! Пошли наверх к этим дурам. Ты будешь их держать, а я соберу вещички и выкину в окно. Следом полетят и они. Фигурально выражаясь, а то действительно еще сбросишь их в окошко.

Хомяков немного успокоился.

– Не-а, – сказал бугай Валентин.

- Что не-а? - не понял прораб.

- Не стану обуваться. И не пойду.

- Как это - не пойду?! Да знаешь ли ты, идиот, сколько мне заплатили за ... Во сколько мне обошелся... Во сколько тебе обойдется неповиновение?!

- Все равно не пойду, - уперся Валентин. - Одно дело, если они сами выйдут, и совсем другое, если мы их насильно стащим. Это статья, товарищ начальник.

- Кто тебе это сказал?!

- Гайдуков.

И Валентин показал на третьего товарища, успевшего опять принять горизонтальное положение.

- Гайдуков, - более сдержанно обратился к нему прораб, - я не посмотрю, мать твою, что тебе уже за сорок и что ты официально числишься в компании. И я плюну на твое незаконченное высшее образование, юрист ты недоделанный. Не смей мне тут баламутить пацанов! Я тебе их оставил под ответственность, так и ответствуй!

- А что тут говорить, - мрачный тип с короткой стрижкой тронутых сединой волос отвернулся к стенке. - Все сказано, осталась одна нецензурщина. Полезешь, получишь.

- Нет, вот работнички! - возмутился Хомяков, подходя к третьему парню. - Сволочи закормленные, а не работнички. Андрейка, давай-ка, пацан, одевайся, пойдем с бабами поговорим...

Парень виновато опустил глаза в пол.

- Он не пойдет, - ответил за него Валентин.

- Почему?!

- Так он же это...

- Что он такое? - скривился Хомяков.

- Он хохол, украинец, то есть...

- И что?!

- Так он даже маму на «вы» называет! И не матерится совсем.

- Да, мамо у меня хорошие. Старость нужно уважать, - вздохнул Андрейка. - Бабанька совсем старые, нехорошо ее за шкуру.

- Дурдом! - изумленно хлопнул себя по лбу ладонью Хомяков и сел на складной стул.

Тот не выдержал его веса и переломился. Хомяков, грохаясь на дощатый пол, не издал ни звука - настолько его изумило поведение работников, что падение стало как бы следствием поразительных последствий.

- «Мамо»! Вы только на него посмотрите! Старость он уважает! А деньги ты уважаешь?! Ты сюда зачем приехал? - Хомяков отдышался на полу и попытался встать.

- Он сюда приехал деньги зарабатывать для своей мамо, - вместо Андрейки ответил Валентин, с готовностью помогая начальнику подняться.

- Зарабатывать?! - взревел поднятый Хомяков. - Да я вам ни копейки не заплачу! Лодыри, бездельники и тунеядцы!

- Переведите нас на другой объект, - попросил бугай Валентин. - А то здесь эти два субъекта, - он мотнул в сторону старого дома, - нас совсем задолбали. Сегодня она разбудила нас пионерским горном. Восемь раз будила, старая ведьма. А потом постелила коврик с гвоздями у входной двери. Я хотел в приличный туалет сходить, в дом ринулся и наступил с разбегу. Чуть не обделался от боли, начальник. Во, нога теперь в гипсе и в ней не брильянты.

- В каком гипсе? Чего ты несешь? Ладно, с вами каши не сварить, как я вижу.

Хомяков сел на кровать и задумался.

- Есть у меня одна идейка. Без нарушения Уголовного кодекса, - заявил он заворочавшемуся Гайдукову. - Ждите! Через час вернусь.

После чего Хомяков заговорщицки растянул толстые губы в едкой улыбке, вскочил и выбежал из вагончика.

- Чего он еще придумает? - почесал рыжие вихры Андрейка.

- Ничего он не придумает, - ответил ему Гайдуков. - И придумывать тут нечего. Суд и судебные приставы могут решить это мерзопакостное дело.

- Пивасик жалко, - Валентин поднял бутылку и облизал ее горлышко. - В магазин, что ли, сгонять?

- Сгоняй, - согласился с ним Гайдуков. - Хомяков только через час вернется.

Юлька тоже решила посетить продуктовую лавку сразу после того, как машина прораба скрылась за поворотом. Они с Зоей Терентьевной решили, что дольше затягивать закупку провианта нельзя. Слишком довольный вид был у отъезжающего прораба, это говорило о том, что он придумал очередную пакость. Зоя Терентьевна предполагала, что вскоре им придется занять глухую оборону, то есть практически они окажутся в глубоко осадном положении, и готовилась к этому. Под ее кроватью уже хранились два килограмма соли, четыре килограмма овсянки и две пачки макарон. Если добавить к ним кильку в томате, то они с Юлией продержатся как минимум до зимы. Продержались же блокадники Ленинграда!

Юлька встретила с бугаем в продуктовом магазине. Он зашел тогда, когда она складывала банки во второй пакет. Первый они с продавщицей успели заполнить без свидетелей.

- У-у-у! - бугай выставил ей перед носом «козу» из толстых пальцев.

- Фиг тебе! - Юлька показала ему фигу.

- Ах ты, коза белобрысая! - обозлился тот и схватил Юльку за руку.

- Вообще-то я девушка добрая, но...

И Юлька встала ему своей кроссовкой на перебинтованную ногу.

- У-у-у-е-е-е-е! - взвыл от боли тот и отпустил Юльку.

- Девушка, что вы с ним сделали?! - испугалась продавщица и принялась успокаивать бугая.

- Надавила на его больную совесть, - хмыкнула Юлька, положила на прилавок деньги и побежала обратно.

Возле дома было тихо и спокойно. Юлька открыла ключом подъездную дверь и прислушалась к возне в подполе, оттуда доносилась оптимистичная музыка - Толик копал с неиссякаемым азартом. Обычно он выходил ближе к вечеру и направлялся к дамам пить чай. Газ пока еще в доме не отключили, но грозили начать прокладку нового газопровода Москва - Владивосток как раз через их старый дом. Юлька поднялась к себе, поставила пакет на стул и занялась приготовлением чая.

- Закупились, Юлия? - Зоя Терентьевна привычно вошла с вазочкой варенья.

- Да, Зоя Терентьевна, закупились. Теперь нас голыми руками не возьмешь! Ой.

- Что случилось, дорогая? - испугалась старушка. - Кошелек потеряла?

- Нет, не потеряла. Хлеб забыла купить!

Юлька расстроилась. Встреча с бугаем совсем отшибла у нее память. Она собиралась поверх кильки положить две буханки хлеба, чтобы его не помять. Но тот так страшно завыл, как раненный в седалище бегемот, что Юлька поспешила удрать из магазинчика. И вот результат - варенье намазывать не на

что!

- Я сбегаяю, - вздохнула она.

- А я запасусь на твоей кухне кипятком, - задумчиво проговорила Зоя Терентьевна. - Если что, дорогая, отступай к многоэтажке. Там народ более демократичный, чем снобы из близлежащих коттеджей. И не волнуйся, живой я им не сдамся!

- Зоя Терентьевна, что вы говорите?! - обомлела Юлька.

- То и говорю, что знаю их подлые сущности.

- Тогда я никуда не пойду, - заявила Юлька. - И тоже им живой не сдамся. А за хлебом Толика пошлем, когда он вернется.

- Юлия, это наш с тобой крест, молодой человек совершенно ни при чем. Не нужно рисковать. Я сама схожу.

- Зоя Терентьевна! Лучше я...

Они немного попрепирались, после чего решили, что Юля все-таки сбегает в магазин.

И Юля побежала.

Сергей вернулся в коттедж, чтобы отдохнуть, - бессонная ночь давала о себе знать. На этот раз он не стал обременять Валерию и заказал себе такси. С ветерком и водительскими байками таксист довез его быстро и комфортно. В свете дня и наличия свободного времени он еще раз, уже более внимательно, осмотрел ухоженный двор. От соседней развалюхи его отделял кованый двухметровый забор, периметр которого обрамляли заросли жасмина. Он представил, как благоухают эти кусты весной, и улыбнулся. Мелко подстриженный газон, буйство цветов на клумбах, влажная земля без сорняков - за территорией явно кто-то ухаживал. Валерия оставила ему список телефонов, по ним нужно было связаться и подтвердить договор о сотрудничестве с

садовником, как он это уже сделал, договорившись с помощницей по хозяйству. Ее голос не внушил доверия, показался слишком молодым. Сергей даже засомневался, умеет ли она варить настоящие борщи, но опережать события не стал. Девица должна была приехать и обстоятельно с ним поговорить о своих навыках и его пожеланиях.

Сетуя на то, что спать перед закатом – последнее дело, ведь будет раскалываться от мигрени голова, Сергей сварил себе кофе и отправился на излюбленный балкон. Устроившись в плетеном кресле, он занялся созерцанием окрестностей, мысленно представляя будущую стройку, ее гром и грохот. Пока же есть возможность, он полюбуется пейзажем.

Хоть пейзаж впечатлял, Сергей то и дело косил глаза на окна второго этажа, откуда высовывалась поутру симпатичная бомжиха. Окна были закрыты, шторы опущены. Бомжей, судя по всему, из дома убрали, как и предполагала Валерия. У Сергея отчего-то испортилось настроение. Глупости, решил он, ностальгические нотки отдаются в каждом немытом образе. Как там у классика – немытая Россия! Вот-вот. Что у них может быть общего? Ничего. И все-таки ему было жаль, что она уехала. Но не разыскивать же ее по притонам и вокзалам? Ага, он уже и на это почти готов. Точно, разыгралась мигрень, и мозги воспалились. Другого объяснения своим мыслям Сергей не находил.

Он пил кофе мелкими глотками, смакуя его вкус, и пытался насладиться окружающей действительностью, когда подъездная дверь приоткрылась и оттуда высунулась белокурая голова. Бомжиха со свойственной отсталым слоям населения с подозрительностью осмотрелась и опять скрылась в подъезде. Сергей заинтересованно поставил чашку с недопитым кофе на плетеный столик.

Она появилась через минуту с какими-то авоськами и рысью кинулась в подворотню.

Через пять минут, а Сергей проводил глазами девицу до магазина, из строительного вагончика вышел широкоплечий бугай и направился туда же.

Сергей быстро вернулся в комнату за солнцезащитными очками, сигаретами и очередной порцией кофе. Он успел вовремя, девица пулей вылетела из продуктовой лавчонки с двумя огромными пакетами снеди и понеслась к дому.

- У нее большая семья, - решил Степанцов, - и она спешит всех накормить.

Мысль о том, что у бомжихи есть муж и куча голодных орущих младенцев, Сергея шокировала. Да, у нее на шее еще сумасшедшая бабка! Та, что наблюдает за двором в окно, куда, прихрамывая, скачет широкоплечий бугай, матерясь и размахивая кулаками. Бугай добрался до подъездной двери, оторвал от нее ручку, потряс ею перед окнами второго этажа и пошел в строительный вагончик. Значит, подъездную дверь семейка бомжей зачем-то закрывает. Может, у них в подъезде еще и консьержка сидит? Сергей понаблюдал полчаса, глядя на окна второго этажа, но так ничего и не увидел. Зевнув, - кофеин несколько не помог - он все-таки решить прилечь.

Юлька выскочила из дома за хлебом, добежала до забора и обомлела.

На въезде стояла машина Хомякова, рядом с ней стоял он сам и ехидно улыбался. Хомяков одной рукой делал Юльке приглашающий жест, а другой держался за ручку дверцы. Она ничего не поняла. Он собирается ее похитить?!

- Я буду кричать, - предупредила его Юлька, медленно пробираясь к выходу со двора.

- Кричи, - обрадовался тот, - это ее еще больше возбудит.

- Кого ее?! - испугалась Юлька.

- А вот кого!

Хомяков открыл дверцу, и оттуда выскочила здоровенная черная собака.

- Ротвейлер, - от страха Юлька моментально определила ее жуткую породу.

- Ротвейлерша, - поправил ее Хомяков. - Суки, они такие... знаешь, самые безжалостные! Кричи теперь.

- Это незаконно, - пробормотала Юлька, перед которой как вкопанная остановилась злобная сука, дышащая жаром. Того и гляди, из ее драконьей

пасти вырвется пламя и от Юльки останется одна головешка.

– А я не знаю, откуда она взялась, – пожал толстыми плечами радостный Хомяков. – Так что, сдаваться будем? Экстренная эвакуация тебя и твоей бабки в течение часа меня полностью устроит.

– А меня нет, – всхлипнула от жалости к себе Юлька, стараясь не дышать и не привлекать внимание собаки.

– Протестуем? – удивился Хомяков. – Тогда я за нее не отвечаю. Сейчас скажу «ату», и от тебя останется один скальп.

– Ату? – Юлька попыталась вспомнить другие собачьи команды и рефлексy. – Эй, псинка! Лови! Апорт!

И бросила на Хомякова свой кошелек.

Дрессированная собака, не будь дурой, тут же кинулась за деньгами на прораба. Юлька воспользовалась кутерьмой и сбежала. Конечно, она вполне осознавала, что далеко убежать не сможет. Она задержалась на мгновение возле двухметрового забора, сосредоточилась, как прыгунья Исинбаева перед финальным рывком, и стремительно, под возглас изумленного Хомякова, взяла немыслимую для простого обывателя высоту.

Оказавшись на другой стороне жизни, а именно такой показалась ей зализанная до тошноты, без нормального единого сорняка территория, она перевела дух. Но опомнившаяся собака прыгнула на забор, зарычала, после чего опустилась на землю, но просунула жуткую ротвейлерную морду сквозь прутья решетки. Юлька обомлела. Плевать на все! Жизнь дороже. И понеслась в сторону коттеджа.

Сергей проснулся от резкого хлопка входной двери и громкого возгласа «Попробуй, догони, придурок!». Он прислушался, в доме кто-то явно ходил, судя по всему, из угла в угол, как тигр в клетке. Тигр? Только этого ему не хватало! Опять он забыл закрыть входную дверь. Какая-нибудь приبلудная кошка забралась в дом и... Что, говорящая кошка? Снизу слышалась вполне

человеческая речь:

- Вот и сходила за хлебушком!

Он накинул халат и спустился вниз.

Внизу ходила не кошка. Это была та белокурая бомжиха, обремененная мужем, бабкой и многочисленным потомством.

- З-з-здр-р-авствуйте, - смутилась Юлька, видя перед собой brutального брюнета.

- Здравствуйте, - сказал изумленный Сергей.

- Я тут к вам на минутку заскочила...

- Что вы говорите... Как вас там зовут?

- Юлька. Юлия. Юлия Ворошилова.

- А меня Сергей Сергеевич Степанцов. - И зачем он представился полностью? Словно собирался сохранить между ними дистанцию.

- Очень приятно, - сказала Юлька, не зная больше, что говорить.

- И мне, - хмыкнул Сергей. - Да уж.

- Ну да. Уж.

Глава 3, в которой между главными героями встают непримиримые противоречия

Нет, такое было возможно только в голливудских фильмах. Юлька стояла истуканом и смотрела на то, как по лестнице со второго этажа спускаются мужские ноги, прикрытые полами белого махрового халата, затем появился торс, перехваченный поясом, за ним показалась голова... О, это был брюнет! Разумеется, он, а кого еще она ждала? В том-то и дело, что никого и ничего она не ждала. До того ли ей было?! Главное – спаслась от жестокого монстра, готового ее сожрать, не раздумывая. Но что теперь делать?! Сказать, что забежала за солью? У Зои Терентьевны чуть ли не пуд соли под кроватью. Но он-то этого не знает!

Юлька вращала одними глазами как парализованная. У нее отчего-то ноги сделались ватными, язык опух и онемел полностью, в голове зазвенели колокольчики, а руки повисли, как макароны на вилке. Ко всему прочему, вот досада, у нее задрожали колени. Она отлично знала, что все это значит. Как девушка общительная и вполне адекватная по отношению к противоположному полу, она должна была, по идее, воспринимать его индифферентно. Юлька и воспринимала! Только не тех мужчин, которые ей безумно нравились. Вот с ними начиналась такая свистопляска с коленками и онемевшим языком. Юлька как-то в столичном кинотеатре на премьере фильма столкнулась с обожаемым ею Сергеем Безруковым. Тот скользнул по ней взглядом, зацепился за полные восхищения глаза и улыбнулся. Все! Юльку «парализовало».

...С горем пополам удалось познакомиться, после чего брюнет, он же Сергей Сергеевич Степанцов, спохватился, что одет не должным образом. Юльке, по большому счету, было все равно, как он одет. Главное, чтобы дальше не раздевался, а то она за себя не ручается. Надо же, как ее приперло! Вот что значит, отсиживаться в глухой обороне без чуткого мужского внимания. Толик не в счет. Она, как только увидела этого мачо, сразу поняла, что не сможет контролировать свой организм. Неужели влюбилась в классового врага, дурочка?!

Юлька представила, как брюнет сейчас сделает пару шагов в сторону музыкального центра и оттуда сразу польются звуки раскованного танго. Одним движением сильной руки мачо, как заправский стриптизер, развяжет узел пояса и отбросит его на кожаный диван. Другой рукой он распахнет полы халата и покажет Юльке свое безупречное тело. Она его уже видела и впечатлилась! Потом он скинет халат. Потом подхватит ее за талию и перегнет пополам, как это принято делать в танце. Потом...

– Я спрашиваю, кофе варить умеете?

Юлька вернулась с облаков на бrenную землю. Он ее о чем-то спрашивает!

– Что?

– Плохо слышите? – хмыкнул Сергей. – Это ушные пробки. Знаете, сера часто скапливается в ушах людей с повышенной сексуальной активностью.

Что он несет?! Да, у нее повышенная активность! Но только не сексуальная, откуда ей взяться, если ни одного достойного мужчины рядом с Юлькой не было. Брутальный брюнет не в счет. Обидеться на него, что ли? И возвращаться к ротвейлеру Хомякова?

– Кофе сварите, пока я оденусь?

Сергей выжидательно смотрел на девчонку, всем своим видом напоминающую ему неброскую полевую ромашку. Ромашка явно чего-то испугалась, ее сознание тормозило, цепляясь за всякую ерунду. Глупость сморозил про серу, запоздало подумал Сергей. А может, она фригидна и индифферентна к мужчинам, иначе почему стоит как статуя. То, что жива, выдают огромные глазищи цвета васильков. Нет, все-таки она больше похожа на ромашку, так он ее и будет звать. Если представится возможность, разумеется. Сейчас она опомнится и скажет, что зашла за солью или придумает еще какую-нибудь ерунду, чтобы сбежать. А зачем она, собственно, зашла?

Сергей не хотел ее отпускать, потому и спросил про кофе.

– Кофе? Сварю.

– А борщ? – мимоходом поинтересовался Сергей, проходя на кухню.

– Борщ? – задумалась Юлька. – И борщ сварю.

Она была готова на все, лишь бы переждать пришествие прораба. Тем более она знала, как варить щи. Сначала в бульон кладут картошку, затем капусту. Или сначала капусту, а потом картошку? Уже забыла! Вот что значит строительная

оккупация и минимальный набор продуктов.

С такими мыслями Юлька пошла следом за Сергеем и очутилась в огромном хромированном царстве, оснащенном навороченной бытовой техникой.

– Плита включается так, – Сергей прошелся пальцами по кнопкам. – Кофе здесь, – он открыл навесной шкаф. – Чашки при желании можно использовать любые...

Он вручил ей блестящую емкость – турку и подмигнул.

– Чувствуйте себя как дома.

– Ага, но не забывайте, что находитесь в гостях, – пробормотала Юлька, когда он вышел.

Было обидно, что он принял ее за лохушку и не позволил воспользоваться кофеварочной машиной. Юлька сразу ее заметила на одном из столов. Ладно, она посмотрит, что будет дальше. По крайней мере, с невольным восхищением и трепетом справиться удалось. Теперь нужно настроиться на нужный лад и разговор пойдет как по маслу. Кстати, о чем они будут говорить? Не о погоде же.

Юлька еще ни разу не попадала в подобные ситуации и не знала, что должна делать. Хорошо, кофе она ему сварит. А дальше что делать? Придется составить компанию? Наверное. Ох... Она еще никогда не пила кофе с таким, с таким...

Стоп! Это уже перебор. Нельзя себя вести как влюбленная дура! У Юльки Ворошиловой другая миссия на этой земле. У нее заслуженная учительница голодает! Сидит без крошки хлеба. Наверное, уже и Толик вернулся с раскопок. Тоже голодный. А тут такой большой холодильник. А что в нем?

Юлька пробралась к хромированному монстру и приоткрыла дверцу.

– Мама дорогая! Чего тут только нет.

Больше она ничего не произнесла, чтобы не подавиться слюной.

Да, определенно придется составить компанию буржую, домашние подождут. Ведь она проведет это время с пользой для дела. С какой, она еще не определилась, но там поглядит. Юлька усмехнулась и занялась приготовлением обещанного напитка.

Сергей вернулся в спальню и быстро переоделся. В распахнутое окно донеслось грозное собачье рычание. Сергей выглянул и увидел толстого мордастого дядьку с ротвейлером.

- Добрый вечер, господин... - подобострастно начал дядька.

- Степанцов, - подсказал дядьке Сергей.

- Добрый вечер, господин Степанцов! - обрадовался Хомяков. Это был именно он, который все это время караулил под окнами коттеджа. - К вам случайно не забегала местная аферистка Юлька - золотая-ручка?

- Кто? - изумился Сергей.

- Ее разыскивает Интерпол, - продолжал самозабвенно врать прораб, - она сперла картину Леонардо из Лувра!

- Нет, не забегала, - поспешил заверить его Сергей, догадываясь, что у мужика временное помутнение рассудка. Или шутки такие идиотские.

- Если забежит, гоните ее в шею! Или она и у вас что-нибудь сопрет, - помрачнел Хомяков. - Она такая! Она такая белобрысая и вредная. Это ее опознавательные приметы. Она в паре работает со старухой Изергиль...

- С вами все в порядке? - нахмурился Сергей.

- Нет, - честно признался Хомяков. - Вторую неделю бессонница! Довели эти бабы до белого каления! Наверное, она в кустах прячется на вашем участке. Можно, моя собака все у вас пошарит?

- Нельзя, - отчеканил Сергей. - У меня гости, вы их испугаете.

Он и не соврал.

– Как знаете, но учтите, что подвергаете себя опасности со стороны двух криминальных элементов, способных изощренными способами вывести нормального человека из адекватного психического состояния, – продолжал запугивать прораб.

– В дурдоме сегодня день открытых дверей, что ли? – пробормотал Сергей, закрывая окно.

Он ничему не поверил. Юлька – золотая-ручка! Это же надо придумать. Кто этот мужик? Ее поклонник? Вообще, что за ситуация с этим старым домом? Нужно поговорить с этой Юлей. Наверняка ей требуется помощь. Она показалась Сергею слабым, беспомощным существом – ромашка, как есть ромашка, едва не затоптанная грубыми сапогами.

Тем временем ромашка сварила кофе и настругала докторской колбасы на французский батон.

– Вот, – улыбнулась она, встретив на пороге кухни Сергея, – вот вам перекус. А мне пора.

– Вас ждут? – подозрительно прищурился Сергей, усаживаясь за стол.

– Ага, – вздохнула Юлька, топчась рядом, – очень. С большим нетерпением.

– Тогда это все объясняет, – хмыкнул Сергей, жестом приглашая ее присесть. – Там вас красномордый мужик караулит.

– Прораб! – обомлела Юлька, плюхаясь на стул. Она рассчитывала, что за полчаса тот уже ушел.

– Это у него кличка такая? То-то его морда на уголовную похожа.

Неужели она все-таки связана с уголовной средой?! Прораб, Юлька – золотая-ручка...

– И собака с ним?

– И собака.

– Тогда я составлю вам компанию?

– Конечно.

Юлька схватила с тарелки самый большой бутерброд, который со старанием делала для хозяина, и проглотила его в три захода. Она больше не обращала внимания на язык и коленки. Дурман прошел, осталась тревога.

– Я могу остаться и сварить вам борщ!

– Да что вы? – иронично усмехнулся Сергей.

– Нет, не могу, – передумала Юлька. – Он тогда на моих перекинется.

– И много их? – осторожно поинтересовался Сергей.

– Кого? – отрешенно переспросила Юлька.

– Ваших.

– Двое осталось, от остальных прораб уже отделался, – вздохнула девушка. – Вернее, один остался, второй ночует в многоэтажке, у него там семья.

– Понятно, – процедил Сергей, складывая как мозаику картину Юлькиной жизни. Сначала их было много, но Прораб куда-то всех дел. Осталась она, сумасшедшая бабка и тот, живущий на две семьи. Но кому она носит столько еды? – Берите еще один бутерброд, Юлия!

– Да, спасибо, – кивнула та и схватила сразу два.

Она сама прожорлива, подумал Сергей, глядя, как Юлька уплетает колбасу с хлебом. Скорее всего, неправильный обмен веществ. Интересно, это лечится? Он

что, собрался ее лечить? А почему бы и нет? Хорошие дела зачтутся ему на небесах.

- Позвольте, кое-что уточнить, - осторожно поинтересовался Сергей. - Кем вам приходится Прораб?

- Стихийным бедствием, - вздохнула Юлька. - Без него и этой стройки мы так здорово жили!

- Значит, он настоящий прораб?

- А кто его знает? - девушка пожала плечами. - Может, мошенник, которого разыскивает Интерпол.

- Однако... - как реагировать на Интерпол, Сергей не знал.

- Его специально для нас подобрали, - принялась рассказывать ему Юлька. - Это потому, что другой такой сволочи в стране не нашлось. Кто еще поднимет руку на обездоленных и убогих?!

- Это вы о себе?!

- Нет, мне ничего не нужно, - отрицательно мотнула головой Юля. - Я о Зое Терентьевне!

Значит, решил Сергей, Ромашка живет с сумасшедшей, убогой и обездоленной бабкой и приходящим любовником. Как все запущено!

- Ну, а тот, второй? - продолжал допытываться он. - Он-то что?

- А что он, - пожала плечами Юлька, прожевав. - Отличный парень, только у него крыша поехала, ищет в подвале сокровища.

Это еще хуже, чем Сергей думал! Вся троица сумасшедшая. И этот прораб с ними заодно. А он еще шутил про день открытых дверей в дурдоме... В каждой шутке есть доля правды.

- Можно... - Юлька вдруг замерла, собирая свою решимость.

- Что можно?

- Можно я заберу с собой остатки батона?

Сергей кивнул. Он решил действовать осторожно, чтобы не всколыхнуть замутненное сознание Ромашки.

- Вы что, - спохватилась та, - ничего не поняли?

- А что я должен понимать?

- Мы боремся! - с жаром сказала Юлька. - Против засилья несправедливости! Против огульного глумления над простым народом...

- Простой народ, - уточнил Сергей, - это Зоя Терентьевна?

- Нет, она заслуженный, - объяснила Ромашка. - Это я образно.

Девушка тут же поднялась, прижимая к себе французскую булку. Она выглядела такой несчастной, одинокой, слабой и беспомощной, что у Сергея защемило сердце. Он кинулся к холодильнику и загрузил для нее пакет с продуктами. Юлька принялась отбиваться от пакета, но Сергей настоял, чтобы она все в целостности и сохранности донесла до Зои Терентьевны. Он понял, что Ромашка любила свою сумасшедшую бабуку. Юлька вспомнила, что кинула кошелек с деньгами в прораба, и согласилась взять весь пакет. Булка так и торчала из него, как лазерный бластер, готовый пронзить прораба вместе с его злобной собакой.

Которых возле дома не оказалось. Сергей по Юлькиной просьбе специально вышел на балкон и оглядел окрестности. Затем он проводил ее во двор. Нагруженная продуктовым набором Юлька поперла к забору, через который так удачно перемахнула налегке, собираясь повторить рекордный прыжок.

- Вы куда, Юлия?! Выход здесь! - И Сергей показал ей на калитку.

– Так вы с нами? – спросила его на прощание Юлька, опустив васильковые глаза в землю.

– В каком смысле? – насторожился Сергей.

– В смысле борьбы, – уточнила Юлька.

– Против засилья?

– За справедливость!

– Я подумаю, – Сергей решил не пороть горячку. Он смутно понимал, в чем дело, но собирался уточнить обстановку со старым домом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/kuskova_alina/princ-i-nischenka

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)